

ЛИТЕРАТУРА ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Воробьёва А.А.,

Научный руководитель д-р филол. наук Говорухина Ю.А.

Сибирский федеральный университет

Спустя более чем два десятилетия с момента краха советского проекта изучение порожденных им социокультурных практик не потеряло актуальности. Более того, опыт деконструкции советского мифа как в научном, так и в художественном пространстве, нейтрализовавший излишне оценочное восприятие изучаемого объекта, позволил вывести это изучение на новый уровень и перейти от апофатического описания распавшейся империи к изучению её с антропологических позиций.

Подобный подход сегодня представляется крайне значимым. Большинство общественных институтов, сформированных советской системой, в новейшее время подверглись или подвергаются радикальной трансформации; в их числе – институт культуры и, уже, литературы. Выявить специфику этой трансформации невозможно, не предпринимая экскурса в историю становления института, не исследовав фундамент, на котором он вырастает. В данной статье, посвященной статусу и функционалу так называемого русского литературоцентризма в процессе выработки советской мифологии культуры, предпринимается подобный экскурс.

В соответствии с теорией поля П.Бурдьё и концепциями Т.Иглтона в данном докладе литература будет рассматриваться в первую очередь как социально детерминированное и институализированное пространство культуры, в котором конкурентная борьба идеологических группировок осуществляется также, как и в любой другой сфере общества. Такое определение, безусловно, не претендует на абсолютную адекватность и полноту охвата предмета, однако позволяет зафиксировать наиболее удобную для рассмотрения поставленной проблемы точку зрения.

Понятие «литературоцентризм», представления об особом статусе литературы в России в металитературном дискурсе сегодня чаще всего функционирует на уровне мифа/мифологемы. В книге критика С.Чупринина «Русская литература. Жизнь по понятиям», в частности, литературоцентризм определяется следующим образом: «Сначала *аксиома* <курсив А.В.>: до совсем недавнего времени русская культура и русское общественное сознание были литературоцентричны, то есть в основе основ у нас действительно лежало слово, и литература действительно воспринималась как «царица» всех искусств.. Затем *контраксиома*: русская культура теряет (или уже потеряла) свою литературоцентричность» [Чупринин, 2007]. Литературоцентризм русской культуры представляется критику аксиоматичным, не требующим доказательств и анализа, принимаемым на веру и определяющим существующую картину мира. Таким образом, в данном Чуприниным определении литературоцентризма обнаруживаются «универсальность, отказ от объяснений, нерушимая иерархия мира» - характерные, по Р. Барту, признаки мифа [Барт, 1994].

В настоящее время термин «литературоцентризм» не зафиксирован в большинстве специальных словарей, посвященных литературе, история его употребления также не верифицирована. Наиболее раннее употребление слова «литературоцентризм» в академическом контексте мне удалось обнаружить в «Краткой литературной энциклопедии», вышедшей в 1962—1978 годах, в статье Н.А. Дмитриевой «Литература и другие виды искусства»; автор статьи определяет

литературоцентризм как «главенствующее положение иск-ва слова как самого могущественного по своему воздействию на умы» [КЛЭ, 1967]. Тем не менее, отдельной статьи, посвященной «литературоцентризму», в словаре нет; термин также не зафиксирован в «Литературной энциклопедии» 1929 – 1939 годов, что затрудняет попытки проследить его генеалогию в дискурсе советского литературоведения.

Популяризуется понятие «литературоцентризм» в 1990-е гг. – термин активно используется рядом критиков «толстых» литературных журналов и газет при обсуждении статуса литературы в постсоветской России. При этом в критических публикациях чаще всего говорится о «крахе» литературоцентризма: о «конце эпохи литературоцентризма» в программной статье «Между» пишет Н. Иванова [Иванова, 1996]; в той или иной модальности о «конце литературоцентризма» пишут Д. Бавильский, А. Немзер, С. Чупринин и многие другие критики. Часть профессионального сообщества также занимает антилитературоцентристскую позицию. «...сегодня стало уже общепринятым говорить о снижении знаковой роли литературы в России — и ее чисто культурной значимости, и социальной привлекательности как для самих литературнообразованных россиян, так и для более широких групп населения, конце русского литературоцентризма и т.п.», - отмечает Б. Дубин в статье «Состояние литературы», опубликованной в 2002 г. [Дубин, 2002].

Актуализация понятия, его интенсивное функционирование в металитературном дискурсе 1990-х говорит о том, что зона культурной реальности, для описания которой привлекается этот термин, раньше не была проблематизирована. Критика сталкивается с необходимостью выработки нового языка, новой терминологии для описания текущей литературной ситуации - разрушения советского института литературы и порожденных им литературных практик и мифов.

О конструировании советской реальности с помощью выработки в массовом сознании культурных мифологем в современной славистике и русистике говорилось уже неоднократно; роль литературы – и, в частности, соцреалистического канона – в этом процессе исследователи также не обошли вниманием. Рассматривался и вопрос об особом *статусе* литературы в СССР: в монографии М. Берга «Литературократия» рассказывается о присвоении политической властью полномочий в поле литературы для накопления и удержания символического капитала, а в работе Е. Добренко «Формовка советского читателя» подробно описаны пути придания книге статуса «могущественнейшего средства воспитания, мобилизации и организации масс вокруг задач хозяйственного и культурного строительства» [Постановление ЦК ВКП(б) «Об издательской работе», 1931]. Таким образом, привилегированное положение литературы в культурном пространстве советской империи можно рассматривать в нескольких аспектах: *символическом*, охватывающем нематериальные практики присвоения поля литературы политической властью, и *реальном* – на уровне социально-экономических, управленческих решений и санкций руководящей партии, позволяющих осуществить *огосударствление* литературы и закрепить её особый статус.

Вмешательство власти в поле литературы делает неактуальным при описании советской культуры стандартное определение литературоцентризма как ситуации доминирования литературы в поле культурного, символического производства – более адекватной представляется формулировка М. Берга, называющего литературоцентризмом присвоение «литератором статуса властителя дум, а литературой культурного и символического капитала «народного представительства» [Берг, 2000]. В широком смысле, как отмечает М. Берг, литературоцентризм был свойственен европейской культуре когда печатная книга являлась одним из основных медийных каналов распространения информации, а художественная литература (в

особенности романы) – средством самопознания и самоидентификации развивающего модерного общества. Однако по мере того, как современные общественные институты обретают устойчивую форму, а альтернативные медийные каналы – развиваются, литература в Европе теряет свою значимость, постепенно уступая место аудиовизуальным искусствам [Берг, 2000]. В сравнении с этой ситуацией литературоцентризм, свойственный советской культуре, представляется чем-то искусственным, спрограммированным политической властью, утвержденным «сверху».

Присваивать литературного поле власть начинает приблизительно в середине 1920-х гг. На идеологическом уровне его начало обозначено публикацией в 1925 г. постановления Политбюро ЦК РКП «О политике партии в области художественной литературы», с помощью которого власть утверждает своё право на регламентацию литературного процесса (примечательно, что постановление было направлено в первую очередь против РАППа и «Пролеткульта», пытавшихся проводить в литературе политику партии, не получив соответствующих полномочий). В 1930 г. при Наркомпросе РСФСР создается ОГИЗ (объединение государственных книжно-журнальных издательств), обеспечивающий государству монополию на книжном рынке (как в сфере производства, так и в сфере распространения); в 1932 г. – подписывается постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» и формируется Союз писателей – профессиональная гильдия литераторов, распределяющая доступ к литературному процессу. В 1933 г. по инициативе Горького открывается Вечерний рабочий литературный университет, позднее преобразованный в Литературный институт – площадка для подготовки и селекции «инженеров человеческих душ». Таким образом, политическая власть не только символически утверждает себя на поле литературы, но и монополизировать реальное литературное пространство, лишая всех отказывающихся поддерживать господствующую идеологию доступа к печати (что позднее приводит к формированию «самиздата» и «тамиздата» в качестве альтернативного пространства дистрибуции русскоязычных текстов).

Книга в советской реальности становится в первую очередь инструментом агитации и пропаганды, а художественная литература – пространством циркуляции моделей социалистических моделей жизнестроительства, воплощенных в соцреалистическом каноне. Особую позицию в советском литературном процессе занимает критика, которая становится «одним из главных воспитательных орудий в руках партии». В 1930-1940 гг. советский критик – в первую очередь инструктор и цензор. Пропагандистская функция литературы в этой ситуации маскируется «наставническим» статусом художественного текста. – книга остаётся самым доступным для советского человека средством получения информации [Добренко, 1997.]

Ситуация несколько меняется в период «оттепели». В это время государство ослабляет тотальный контроль над жизнью человека и возвращает ему сферу приватного [Берг, 2000], однако правила организации приватного пространства по-прежнему задаются государством. Литература «шестидесятников» по-прежнему транслирует советскую систему ценностей – однако теперь эта система ценностей пропущена сквозь призму личного восприятия. Личностный компонент помогает литератору сменить наставнический статус на мессианский, пророческий; этот профетизм также укрепляет литературоцентристский миф и, как это уже неоднократно происходило в русской культуре, придает литературному слову сакральный статус.

Влиятельность литературного дискурса достигает своего предела в 1980-е – в ситуации, когда общественность интенсивно усваивает большое количество «возвращенных» (на самом деле – нейтрализованных советской цензурой с помощью

задержания публикации) текстов. В этой ситуации значение литературы, впрочем, определяет не государство, а интерес читателей, осваивающих ранее табуированные объекты культуры опыт; по мере этого освоения интерес к литературе утрачивается. Однако основной удар по советскому институту литературы (и многим другим институтам) нанесли не столько возвращенные культурные ценности, сколько становление рыночной экономики, начавшей развиваться в перестройку. В конце 1980-х на русскоязычном пространстве появляется рынок СМИ. Информация становится товаром, а не средством воздействия на массы, развитие системы медиа начинает регулироваться коммерческими интересами, а не запросами государства. Литература быстро уступает журналистике влиятельные позиции; более того – видя в средствах массовой информации более эффективный способ воздействия на массы, нежели в художественных текстах, новая политическая власть отказывается от апробированной предшественниками практики инструментализации и использования литературного поля в своих целях. Сфера производства художественных текстов резко утрачивает социальный престиж.

Лишение литературы социальных привилегий наносит сильный удар по самоидентификации участников официального литературного процесса, о котором уже говорилось выше, и многочисленные дискуссии о литературоцентризме. Любопытно, что в этой ситуации авторы, публиковавшиеся в «самиздате» и «тамиздате», формулировали вопрос о статусе литературы не столь остро. Например, М. Эпштейн в одной из своих опубликованных в 1990-е гг. статей отмечает: «...И только литература, утратив всякое внимание со стороны властей, упорно заявляет, что источник власти в ней самой, что перо сильнее штыка и т.д.» [Эпштейн, 1998]. Отношение литературоведа к спорам о литературоцентризме (в том числе и к «борьбе» с ним) очевидно иронично.

Таким образом, литературоцентризм советской культуры можно рассматривать в качестве мифа, оправдывающего пропагандистское использование литературы через профетизм и маскирующего тем самым присвоение литературного поля политической властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берг М. Литературократия. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 352 с. URL: <http://www.mberg.net/litkrat/>;
2. Добренко Е. Формовка советского читателя. – СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. 323 с.;
3. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 года “Об издательской работе”. Цит. По: Добренко Е. Формовка советского читателя. – СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. 323 с.;
4. Дубин Б. Литературная культура сегодня // Знамя. 2002. №12. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/12/dubin.html>.
5. Иванова Н. Между. О месте критики в литературе // Новый мир. 1996. №1 URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/1/ivanova.html;
6. Постановление Политбюро ЦК РКП «О политике партии в области художественной литературы». URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm>;
7. Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. URL: <http://www.e-reading-lib.org/book.php?book=101082>;
8. Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1967—1978. Т. 7. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp>.